

**ЕС И РОССИЯ В 2007 ГОДУ:
ДОГОВАРИВАЯСЬ О НОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

25 – 26 мая 2007 года
Maritim Park Hotel, Рига, Латвия

Доклады участников

Максим Шевченко, ведущий программы «Судите сами» на Первом канале российского телевидения, главный редактор журнала «Смысл»

Максим Шевченко: «Для меня большая честь принимать участие в этом высоком собрании. Я бы хотел поставить вопрос об отношениях Европы и России в еще более полемическом ключе, задав вопрос: «А нужна ли России единая Европа?» Единая Европа в том смысле, что она объединялась на протяжении нескольких столетий и мы люди, которые очень хорошо знаем и помним историю, с опасением смотрим на эти тенденции. Дело в том, что демократическая риторика звучала и из уст политиков и политических сил, которые уже в истории проводили европейские интеграционные процессы. Каждая европейская интеграция кончалась для нашей страны тем, что Европа аккумулировала в себя политические, экономические и военные ресурсы такого уровня и такой мощи, что им требовался выход. Естественные границы Европы существуют таким образом, что на север или на юг, Европа ограничена с севера ледяной пустыней, с юга пустыней Сахарой. Средиземное море может стать внутренним морем Европы, но дальше Сахары, это доказал еще французский опыт, европейцу идти бесперспективно. Значит, сильная единая Европа непременно будет свою энергию в политической экспансии, в той или иной форме, в экономической ли, я надеюсь, что речь идет об экономической, хотя мы помним и другие примеры, распространять на восток. За последние 200 лет несколько попыток создания единого европейского пространства заканчивались военным походом на мою сторону. Мы помним интеграционные процессы, которые инициировал Бонапарт, под очень светлыми демократическими для того времени лозунгами – лозунгами свободы, лозунгами сокрушения тирании, лозунгами прав человека, которые формулировались на политическом языке 18 века. Для нас это кончилось сожженной Москвой. Третье объединение Европы для России, еще при сохранении той антироссийской риторики, которая была формализована в частности в выступлениях господина Глюксмана, между прочим, мы не слышали, чтобы европейская элита дала отпор этим антироссийским высказываниям, мыслям, которые были популярны еще несколько лет назад среди европейских политиков очень высокого уровня, о необходимости изоляции России, дискриминации России, о том, что Россия должна знать свое место. Глюксман по-прежнему популярен среди европейских политиков и мы не видим и не слышим другой тенденции в отношениях с Россией. На третью попытку интеграции, которая, на мой взгляд, еще является утопической, с опасением смотрит российская политическая элита, которая не забывает уроков истории, в отличие от многих европейцев.

Сейчас с большой натяжкой мы можем говорить о единой Европе. Провал европейской конституции, провал создания единого политического пространства позволяет нам только говорить о некоторых структурах, с каждой, из которой мы можем иметь отдельные отношения - и с Европарламентом, и с Еврокомиссией, и с ЕС. Россия может в равной степени выстраивать параллельные отношения точно так же, как мы можем выстраивать подобные отношения с Берлином, Парижем и Лондоном. Почему Россия должна выстраивать какую-то особую политику с особым центром европейской силы, которую нам предлагают в качестве единственного оппонента или единственного партнера, мы, честно говоря, не понимаем. Россия воспринимает с опасением такого рода попытки европейцев, которые не могут справиться со своим политическим

пространством. Мы пока не имеем Европу как единое политическое пространство. Исходя из этого, России гораздо практичней, прагматичней и выгодней вести переговоры с Германией, Францией, Великобританией, с Польшей, а попытки формальной консолидации ЕС и вмешательство в прямые отношения России с той или иной стороной из-за невнятности статуса ЕС для нас как политического субъекта в России воспринимают с опасением и удивлением. Здесь на прямую связаны и те коллизии, которые существуют в контексте энергетических переговоров. Я уже не говорю, что де Голевский лозунг - от Европы до Урала – в моей стране воспринимается как угроза, поскольку Россия не до Урала. От этого лозунга европейские элиты не отказались, если Европа до Урала, то нам нечего делать с этой Европой, потому что Россия не до Урала, Россия и пред Уралом и после Урала.

Недавно в Москве была делегация швейцарских конгрессменов очень высокого ранга и сенатор Мюлеман в разговоре со мной сказал: «Ну хорошо, Европа не до Урала, но тогда я дам такое определение Европе, Европа это то пространство, где жизнь основывается на принципах христианской этики». Я говорю, что и в этом случае Россия не Европа, потому что Афганистан и Чечня основываются на исламской этике и федерального законодательства РФ. С этой точки зрения мы весьма болезненно воспринимаем европейских политических структур в отношении исламских регионов России, которые еще не так давно поддерживали сепаратистские тенденции в этом регионе, не существует ли достаточно внятно осознаваемые попытки формирования из России той конфигурации, которая потом была бы выгодна ЕС. Поэтому, мне представляется, что все попытки пристыдить Россию, шантажировать Россию тем или иным способом – неконструктивны. Пример добрых отношений с Россией был показан ни не так давно, последние годы ведущими государствами, лидерами образования ЕС – Германией и Францией. Я надеюсь, что эти тенденции будут развиваться. С этими государствами нам понятно, как выстраивать отношения, с ними у нас существуют отношения столетней давности, у нас с ними огромная традиция дипломатических контактов, огромная история отношений. Ведь для развития отношений и история очень важна. С Балтийскими странами у нас пока существует не очень хорошая история отношений, мы надеемся, что они улучшатся и Латвия осуществит определенный прорыв в российском направлении. Но пока политический изоляционизм в России многими, в том числе на достаточно высоком политическом уровне воспринимается как объективная реальность и необходимость. Пока, на мой взгляд, ни о каком евразийском блоке, евразийском партнерстве речи быть не может, поскольку Россию по-прежнему видят ни как партнера, а как ресурсную территорию. Освобождение от этих иллюзий, понимание, что наша страна находится в 2007 году, а не в 1994 году, мне кажется, была бы крайне необходима и желательна для европейских политиков, для тех, кто определяет европейскую политику. У нас тоже есть огромные рычаги влияния на европейское пространство, в первую очередь экономические рычаги, которые могут превратиться в политические. Но это было бы не конструктивным подходом. Спасибо».